

Сергей Михайлович Соловьев

**История России с древнейших
времен. Том 17**

Сергей Михайлович Соловьев
История России с
древнейших времен. Том 17
Серия «История России с
древнейших времен», книга 17

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172098

*История России с древнейших времен. Книга IX. Начало 20-х годов XVIII
века – 1725: АСТ, Фолио; М.; 2003
ISBN 5-17-002537-8, 966-03-0892-2*

Аннотация

Семнадцатый и восемнадцатый тома сочинений С.М. Соловьева «История России с древнейших времен». В них продолжено начатое в предыдущих томах повествование о царствовании Петра I, освещены события внешней политики России, изменения внутри страны, годы, последовавшие за смертью императора.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

68

Сергей Соловьев

История России с древнейших времен. Том 17. Царствование Петра I Алексеевича. 1722–1725 гг

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕТРА I АЛЕКСЕЕВИЧА

Несогласные действия союзников, датчан и саксонцев, в войне со шведами. – Кросенские постановления. – Обстановка союзников под Штральзундом. – Отношение к Англии и Голландии. – Отправление Меншикова в Померанию. – Затруднительное положение русского посланника князя Долгорукого в Дании. – Потеря кампании 1712 года. – Грусть Петра. – Датчане и саксонцы поражены шведами под Гадебушем. – Посредничество Англии и Голландии. – Условия Петра. – Инструкция Меншикову. – Свидание Петра с кур-

фюрстом ганноверским и с королем прусским. – Видь Прусси. – Действия русских в Финляндии. – Действия Меншикова в 1713 году. – Голишинский министр Г`ёрц. – Дело о секвестре померанских городов. – Сдача Штетина Меншикову. – Штетин отдан Пруссии. – Неудовольствие по этому случаю в Дании. – Враждебность Англии и Голландии к России. – Решительность Петра сдерживает эти державы. – Посольство Ягужинского в Данию. – Голишинские предложения царю посредством Бассевича. – Дело о союзе с ганноверским курфюрстом. – Действия русских в Финляндии в 1714 году. – Приступление Пруссии и Ганновера к Северному союзу. – Осада Штральзунда. – Сдача этого города союзникам. – Переговоры князя Куракина с английскими министрами насчет условий мира с Швециею. – Петр выдает племянницу за герцога мекленбургского. – Следствия этого брака. – Столкновение Петра с союзниками по поводу Висмара. – Приготовления к высадке в Швецию со стороны Дании. – Петр отлагает высадку. – Смута между союзниками по этому случаю. – Свидание Петра с прусским королем в Гавельсберге. – Пребывание в Голландии. – Сношения с Англиею. – Отношения России к Франции и поездка Петра в Париж. – Договор России с Франциею. – Конференции князя Куракина о мире с Швециею. – Постановления о будущем конгрессе на Аландских островах. – Переговоры с Даниею. – Отношения к Пруссии. – Переговоры с Англиею. Сношения с австрийским двором.

При рассматривании внутренней преобразовательной деятельности в России от 1711 до 1721 года по самому ходу дел нельзя не заметить отсутствия, иногда очень продолжительного, царя-преобразователя. Это отсутствие обуславливалось затянувшейся заграничной войною. В прутском несчастье Петр утешал себя и других тем, что по крайней мере прекращение турецкой войны даст возможность сосредоточить все силы на западе и кончить поскорее шведскую войну выгодным миром; но и эта надежда на скорое окончание тяжелой войны не оправдалась благодаря слабому содействию союзников.

По возвращении из турецкого похода, не могшего не подействовать разрушительно на физическое здоровье Петра, он, прежде чем начать новые труды, должен был отправиться осенью 1711 года в Карлсбад для пользования тамошними водами. 15 сентября царь начал употреблять воды, 3 октября уже выехал из Карлсбада и 14 числа в Торгау отпраздновал брак сына своего, царевича Алексея, с принцессою вольфенбительскою. Между тем со сцены военных действий приходили неприятные вести. Штральзунд был осажден союзными войсками – русскими, саксонскими и датскими; но вот что писал Петру находившийся в то время там князь Григорий Фед. Долгорукий от 3 сентября: «Войска наши, датские и саксонские находятся при Штральзунде, а действия еще никакого не начали, затем что министры и генералы не мог-

ли согласиться насчет того, как начинать дело, а согласиться не могут больше по своим злобам и гордости. Со стороны короля польского желают наперед добывать остров Рюген, дабы там неприятельскую кавалерию уничтожить и процоличество получить с острова, а потом уже добывать крепость. Со стороны короля датского больше желания, оставя короля польского под Штральзундом, добывать Висмар. От этих несогласий, министерских злоб и перекогов хотели, ничего не сделавши, разъехаться. Мы с князем Васильем Лукичом Долгоруким всеми силами трудимся не только министров и генералов, но и их величества до согласия привести, и думаю, что прежде станут добывать остров Рюген».

Долгорукому хотелось, чтобы король датский имел личное свидание с Петром, «понеже, – писал князь Григорий, – король датский зело человек гордый и, что изволите с ним постановить, то, чаю, ни для чего не отменит». Но саксонский генерал Флеминг не хотел этого личного свидания между государями и, подговоря с собою датских министров, Выбея и Шака, тайно отправился в бранденбургский город Кросен для свидания с царем и улажения всего насчет будущей кампании. 22 октября в Кросене было совещание, на котором Петр дал Флемингу и датским министрам следующие пункты: 1) необходимо теперь же овладеть Штральзундом, а если нельзя, то по крайней мере островом Рюгеном; 2) зимою надобно договориться с курфюрстом ганноверским о Бремене и Вердене, чтоб к будущей кампании ганноверский

двор не мешал, а помогал (именно при дворе английском); 3) военные действия в будущую кампанию, как сухопутные, так и морские, начать рано, именно в апреле-месяце.

Петр из Кросена отправился в Россию, а союзники два месяца понапрасну стояли под Штральзундом, оправдывая себя тем, что не привозили артиллерии и потому нельзя ничего сделать. Решили, что нельзя стоять всю зиму под Штральзундом, надобно отступить; но и тут подняли спор: король польский говорил, чтоб всем союзным войскам, отступя от Штральзунда, зимовать в Померании и удерживать в блокаде Штетин, Штральзунд и Висмар; король Август представлял также, что если теперь все войска оставят Померанию, то на весну им трудно будет снова войти в нее по причине переправ, которые неприятель легко может защищать. Но король датский никак не хотел оставлять войск своих в Померании, представляя, что ему нужно войско для охранения Зеландии зимою, когда Зунд замерзает, и непременно хотел уйти в Голштинию на зимние квартиры. К усилению распри между союзниками королю Августу дали знать, что датский король начинает тайные переговоры со шведами посредством готторпского министра Фондерната. Таким образом, оба короля намеревались выступить из Померании; князьям Долгоруким, Григорию и Василию, стоило большого труда привести их к тому, что они наконец согласились: датскому королю оставить в Померании 6000 человек своего войска, а саксонцам и русским всем зимовать там.

Союзники действуют слабо; а между тем на западе грозит новая опасность: война Англии, Австрии и Голландии против Франции за наследство испанского престола готова прекратиться, что даст этим державам возможность вмешаться в Северную войну. В Англии с большим неудовольствием и подозрительностью смотрели на вступление русских войск в Померанию. Утверждали, что в Карлсбаде у царя и английского посланника Витворта произошел по поводу этого предмета очень крупный разговор, так что посланник счел благоразумнее уйти. Вместо князя Куракина посланником в Англию отправлен был фон дер Лит. Новый посланник доносил в ноябре 1711 года, что государственный секретарь С. Джон (знаменитый Болинброк) говорил: «Союзники в Померании поступают выше всякой меры: сначала уверяли, что хотят только выгнать оттуда шведский корпус генерала Красова, а теперь ясно видно, что их намерение – выжить шведского короля из немецкой земли; это уже слишком!» Переговоры о мире между Францией и союзниками должны были производиться в Голландии, и потому сюда на помощь Матвееву отправлен был князь Бор. Иван. Куракин. В ноябре 1711 года Куракин дал знать, что Франция сблизилась с партией тори в Англии и английский посланник объявил голландскому правительству требование, чтоб назначено было место для посольских съездов и чтоб выданы были паспорта французским уполномоченным. Когда депутаты от Штатов сказали ему, что надобно писать во все провинции республи-

ки, изведать общее желание, то он отвечал, что его королева решила – быть съезду и если Голландия будет медлить, то Англия одна назначит место для съезда и выдаст паспорта. «Господа голландцы, – писал Куракин, – в великой конфузии находятся. Мое мнение: если эти государства все больше и больше будут приходить в несогласие, то, конечно, в нас нужду иметь будут, и в таком случае, приняв меры, требуемые нашими интересами, не надобно упускать времени заключить с ними хотя оборонительный союз и свой кредит устанавливать; но теперь пока надобно относиться одинаково как к Англии, так и к Голландии». На это донесение канцлер Головкин отвечал Матвееву и Куракину наказом склонять Штаты к приязни и к вступлению в союз с царским величеством; объявить Штатам и цесарским министрам, что в случае продолжения войны их с Франциею царь готов помочь им войском от 10 до 15000 человек, и больше за обычные субсидии и даже без субсидий, только на их содержании и жалованьи; взамен этого требовать, чтоб Австрия и Голландия гарантировали России все завоеванное ею у Швеции, в померанском деле царю и его союзникам не только не мешали, но и помогали. Ответ Матвеева был очень неудовлетворителен: «Из всего видим, что на их прямое усердие к исполнению того, чего от них желается, нам отнюдь опираться нельзя и никакой надежды возлагать на них не следует; притом плохой успех дел наших в Померании не может внушить им большой охоты помогать нам против шведского короля».

И так надобно было хорошо вести дело в Померании, чтоб заставить Австрию и Голландию благоприятно смотреть на наше предложение.

1 марта 1712 года отправился в Померию с войском князь Меншиков, а князь Василий Лукич Долгорукий должен был хлопотать дипломатическим путем, чтоб союзники действовали дружно.

Задача была тяжелая; прежде всего шли взаимные обвинения в желании заключить отдельный мир с Швециею: время на конференциях проходило в том, что с обеих сторон уверяли в несправедливости подобных обвинений. Долгорукий настаивал, чтоб датчане выслали флот в море как можно раньше; датские министры отговаривались неимением денег. Долгорукий настаивал, чтоб действовать дружно в Померании; датчане считали выгоднее и легче для себя овладеть Бременом. Долгорукий в донесениях своих царю изъявлял опасения, что отдельный мир между Даниею и Швециею может состояться, и приводил основание своим опасениям: великую скудость денежную; все единогласно говорили, что войску жалованья давать нечего; министры и генерал Шульц, имеющие особенное влияние на короля, — люди нерасторопные, скучают множеством трудных дел и слышат народную злобу на себя за войну, а народ раздражает противная министрам партия Плессена и Лента, которая находит доступ и к королю через сестру его; кроме того, датский двор опасался, что если англичане и голландцы успеют помириться

с Франциею, то не заставили бы Данию окончить войну без всякой для нее прибыли; голштинский министр Фондернат хлопочет о мире с Швециею, опираясь на Плессена и Лента; министрам грозит опасность и от того, что король хочет переменить метрессу. «Ежели та перемена сделается, все дела здесь переменятся, – писал Долгорукий, – министры не могут ничего сделать против Фондерната, так он утвердил себя в королевской милости чрез карл и камердинеров; кроме того, держит богатый стол и весь двор кормит».

Долгорукий не мог отговорить датского короля от похода в Бременскую область. Чтоб оживить военные действия в Померании, сам царь отправился туда в июне 1712 года; Меншиков стоял под Штетинном, но царь не мог помочь ему овладеть этим городом, потому что датчане отказались дать ему свою артиллерию под тем предлогом, что ее должны доставить саксонцы. Петр писал датскому королю: «Я чаю, что уже вашему величеству известно, что я не только то число войск (которое поставлено в прошлом годе в Ярославле с королевским величеством польским) для здешних действий поставил, но троекратно более умножил, к тому же и сам сюды прибыл, не щадя здоровья своего, чрез всегдашнюю фатигу и нынешний так далекой путь для общих интересов; но при прибытии моем сюда обрел войско праздно, понеже артиллерия, от вас обещанная, не точию прибыла, но когда я вашего вице-адмирала Сегестета яко командира над оною спросил, который мне ответствовал, что оная без особенного вашего

указу быть сюда не может. Я zelo в недоумении, чего для такие перемены чинятся и время так благополучное вотще препровождается, из которого, кроме убытку как в деньгах, а паче в интересах общих и посмеяния от неприятелей наших, ничего нет. Я всегда был и есть готовым своим высоким союзникам все, что интерес общий требует, помогать, что всегда с моей стороны исполнено. Ежели же сего моего прошения (о присылке артиллерии) исполнить не изволите, то я пред вами и всем светом оправдаться могу, что сия кампания здесь не от меня опровергнута, и тогда я невиновен буду, что, будучи без действия сам, а людей своих принужден буду вывести в свою землю, ибо напрасного убытку от дороговизны здешней, а наипаче бесчестия от неприятелей понести не могу. Я здесь все места и их положение осмотрел и, какое может действие воинское ныне и впредь в сей земле быть для искоренения отсель неприятелей, о том послал пункты к вашему величеству. Сами изволите рассудить, что мне ни в том, ни в другом месте собственного интересу нет; но что здесь делаю, то для вашего величества делаю». Кампания пропала даром в Померании, тогда как в Бременской области датчане овладели крепостью Штадом. Как бесчестье неуспеха подействовало на Петра, видно из письма его к Меншикову, когда он 19 августа находился в Вольгасте, а светлейший стоял под Штетинном: «Письмо ваше я получил, на которое ответить кроме сокрушения своего не могу, ибо, как я к тебе в другом письме писал, о всем пространно можешь вырази-

мать, что, если б ветер не переменился, одним днем все было бы исполнено, и что делать, когда таких союзников имеем, и, как приедешь, сам уведаешь, что никакими мерами иначе сделать мне невозможно; я себя зело безчастным ставлю, что я сюда приехал; бог видит мое доброе намерение, а их и иных лукавство, я не могу ночи спать от сего трактованья». Так как подобное трактование обыкновенно отзывалось на здоровье, то Петр в октябре отправился в Карлсбад и Теплиц для леченья. Отдохнувши немного, ему хотелось соединить войска всех союзников и окончить год победою, потому что шведский фельдмаршал Стенбок, собрав последние средства, выступил с 18000 войска из Померании в Мекленбург. Петр писал из Теплица к датскому королю, чтоб тот приехал к своим войскам в Голштинию и соединился с русскими войсками для нападения на неприятеля; потом опять писал о том же из Дрездена 12 ноября: «Надеюсь, что ваше величество признаете необходимость такого действия; паки дружески и братски вас о сем прошу и притом объявляю, что хотя мое здоровье требует спокойствия после лечения, однако я, видя крайнюю нужду, дабы сего полезного дела не пропустить, немедленно отъезжаю к войску». К Меншикову царь писал: «Для бога, ежели случай доброй есть, хотя я и не успею к вам прибыть, не теряйте времени, но во имя господне атакуйте неприятеля».

Из Дрездена Петр поехал в Берлин, а из Берлина, как было обещано датскому королю, отправился к войскам своим в

Мекленбургию. 28 ноября царь приехал в местечко Лаго, где была главная квартира русских войск; из Лаго царь выехал в Гистроу, куда велел следовать и войскам. Здесь 7 декабря получено известие, что Стенбок двинулся к Шверину и Гадебушу с тем, чтобы напасть на соединенное датско-саксонское войско, бывшее под начальством самого датского короля и саксонского фельдмаршала Флеминга. Царь отправил из Гистроу часть своего войска на помощь союзникам, поспавши сказать им, чтобы не вступали в битву прежде соединения с русским войском; на другой день сам Петр выехал из Гистроу и отправил снова троих офицеров, одного за другим, к датскому королю, чтобы не вступал в битву, ибо русское войско находилось только в трех милях; но «господа датчане, имея ревность не по разуму», как писал Петр, вступили в битву и были наголову поражены Стенбоком при Гадебуше. Узнав об этом несчастье, Петр вернулся назад в Гистроу, куда датский король приехал с просьбой помочь ему в беде, и Петр в начале 1713 года двинулся с войском за шведами в Голштинию, разбил их при Швабштеде и прогнал из Фридрихштадта. Из этого города он уведомил фельдмаршала Шереметева о швабштедском деле: «Неприятель в такую землю зашел, что к оному только идти по дамам (плотинам), а поле все, испортив слюзы, потопил, а на дамах сделаны были перекопы и батареи; однако ж мы, несмотря на то, с помощью божиею отважились оного атаковать, который хотя и боронил оные прекрепкие пассажи, однако ж изо всех оных

неприятель выбит с немалым уроном».

Между тем из Голландии, где происходил Утрехтский конгресс для прекращения войны за испанское наследство, приходили дурные вести. Матвеев писал, что Англия и Франция, сближаясь друг с другом, сближаются и с Швецией. Англия и Голландия предложили свое посредничество для прекращения Северной войны. Князю Куракину по этому случаю даны были следующие инструкции: «Надлежит объявить министрам морских держав, что царское величество к миру всякую склонность с союзниками своими имеет и посредничество морских держав принимает; но то посредничество, какое морские державы теперь князю Куракину объявили, царскому величеству и союзникам его вредно и предосудительно. Объявили они: если которая-нибудь сторона не примет посредничество по плану, ими сочиненному, то ее принудить силою. Но это будет уже насилие, а не посредничество. Объявить морским державам: если они обнадежат, что возвращение наследственных русских земель, которые шведы отторгли вместо оказания помощи, будет принято за основание, но не как вознаграждение за войну, то его величество их медиацию принимает; о других же провинциях, которые царское величество желает получить в вознаграждение за войну, будет объявлено при назначенном съезде. Когда станут упоминать о Лифляндии, то объявить в общих выражениях, что царское величество твердо стоит в своем намерении уступить ее короне Польской».

Пробыв несколько времени в Фридрихштадте, Петр решился отправиться в Россию, потому что Стенбок, запертой в шлезвигской крепости Тенингене, не был более опасен. 14 февраля царь выехал из Фридрихштадта, оставив Меншикову инструкцию, как поступать в его отсутствие: «1) искать неприятеля к капитуляции принудить или иным образом к разорению его приводить всеми способами, а наипаче всего, чтобы не ушел, для того 2) надлежит у всех генералов, даже до генерал-майора, брать советы на письме о всяком важно начинаемом деле, дабы никто после не мог отпереться, что он инако советовал. 3) Стеснение неприятелю как возможно ранее делать, а потом и бомбардированье, дабы нам прежде свое дело окончить генерального мира, по котором, чаю, не без помешки будет. 4) С датским двором как возможно ласкою и низостью поступать, ибо, хотя правду станешь говорить без уклонности, за зло примут, как сам их знаешь, что более чинов, нежели дела, смотрят. 5) Ежели даст бог доброе окончание с неприятелем, то библиотеку выпросить, конечно, всю из Шлезвига, также и иных вещей, осмотря самому с Брюсом, а особливо глобус». Не теряя надежды привлечь к союзу курфюрста ганноверского, Петр заехал для свидания с ним в Ганновер и о следствиях свидания писал Меншикову: «Курфюрст зело склонен явился и советы многие подавал, только что делом что исполнить, то никто не хочет». Узнав о смерти прусского короля Фридриха 1, Петр отправился в Шейнгаузен (в миле от Берлина) для свидания с

новым королем Фридрихом Вильгельмом 1. При покойном короле Пруссия в отношении к России следовала постоянно одной политике, избегая решительного шага и выискивая случая приобрести что-нибудь без больших усилий с своей стороны. Еще в 1711 году царский чрезвычайный посол при прусском дворе граф Александр Головкин, сын канцлера, писал, что прусский двор не хочет заключать договора с Россией, во-первых, потому, что у Пруссии нет достаточного количества войска и она не может ввязаться в такое опасное дело, как война шведская; во-вторых, нет соответствия между тем, что царь обещает дать, и тем, чего требует от короля. Головкин представил самому королю, какие выгоды для Пруссии заключаются в союзе с Россией: Пруссия получит город Эльбинг и часть земли между Вислою и Помераниею. «Очень опасно, – отвечал король, – вступать мне в это дело: царскому величеству шведы нисколько вреда не сделают, потому что его государство далеко; но на меня, как на ближайшего, нападут; а царское величество войска свои дает под таким условием, что во время разрыва с султаном имеет право их отозвать». Головкин возражал, что хотя в предложенном трактате действительно так сказано, однако царь посылает теперь довольно войска против шведского померанского корпуса, также короли польский и датский имеют довольно войска поблизости. Король отвечал: «На датского короля нечего надеяться: это государь бедный и сам не знает, что делать». Прусские министры прямо объявили Головки-

ну, что царь поступает дурно с ними, только обещая награду за союз впоследствии, а не давая ничего вперед: «Маните вы нас Эльбингом, как пса куском мяса», – говорили министры. «У здешних господ министров, – писал Головкин, – на одном часу разные слова, и отменные, и часто только политичные». Слова были разные, но мысль одна, одно желание, и желание это было так сильно, что забывали приличия. Головкину объявили от имени королевского, что его величество лишен всех средств исполнить Мариенвердерский договор, но надеется и просит, чтобы царское величество по своему доброжелательству к королю изволил уступить ему город Эльбинг; если отдаст город явно, то поляки рассердятся, и потому пусть царское величество повелит генералу своему выйти из города и тайно уведомить об этом пруссаков, которые и займут Эльбинг, где все жители на их стороне, кроме магистрата; за это король обещается помогать тайно царскому величеству против шведов. «Я, – писал Головкин, – для наших нынешних обстоятельств заблагорассудил их ласкать и принял то на доношение. Король, своею особой, нашей партии, также и кронпринц начинает к нам склоняться; нынешний год надобно с здешним двором пасиенцию иметь и довольствоваться тем, чтоб они нам помогли артиллериею, и, может быть, несколько батальонов под каким-нибудь предлогом дадут, только на это крепко нельзя надеяться». В Берлине не спускали глаз с Эльбинга. В марте 1712 года Головкин имел разговор с министром Ильгеном, который представлял,

какие услуги оказывает Пруссия России, пропуская царские войска через свои земли и оказывая им всякое вспоможение. «За такие услуги, – продолжал Ильген, – изволили бы царское величество отдать нам Эльбинг». «Царскому величеству, – сказал Головкин, – нельзя этого сделать без позволения короля польского и Речи Посполитой; но если король прусский действительно вступит с нами в союз против Швеции, то царскому величеству можно будет представить польскому королю и Речи Посполитой дело так, что, может быть, они и согласятся на передачу Эльбинга Пруссии». «Можно и теперь, – отвечал Ильген, – сделать сильные представления о необходимости передать Эльбинг Пруссии, можно внушить, что прусский король необходим союзникам для свободного прохода войск их чрез прусские владения, для закупки хлеба и других потребностей; что у прусского короля много войска, и если его не удовлетворить отдачею Эльбинга, то он может перейти на сторону Швеции. А вступать нашему королю в войну против Швеции не нужно, потому что северные союзники довольно сильны и без прусской помощи; но король наш рад помогать союзникам всячески». Через несколько времени Ильген подступил с другой стороны. «Наш король, – говорил он Головкину, – хочет содержать нейтралитет и, желая водворения мира на севере, не только хочет употребить для этого свой кредит при других дворах, но и оружие; только надобно знать, что вы нам за наши труды дадите, и объявляем вам наперед, что из-за одного Эль-

бинга мы не станем хлопотать, надобно еще что-нибудь прибавить». Это «что-нибудь» должно было состоять из части польской Пруссии и Курляндии.

Головкин писал, что кронпринц к нам склоняется. Теперь кронпринц стал королем, и надобно было узнать, в какой степени он к нам склонился. «Здесь, – писал Петр Меншикову, – нового короля я нашел зело приятна к себе, но ни в какое действо оного склонить не мог, как я мог разуметь для двух причин: первое, что денег нет; другое, что еще много псов духа шведского, а король сам политических дел не искусен, а когда даст в совет министрам, то всякими видами помогают шведам, к тому же еще не осмотрелся. То видев, я, утвердя дружбу, оставил. Ежели б что мог сделать здесь, конечно, намерен был водою к вам поворотиться. Двор здешний, как мы усмотрели, уже не так чиновен стал, как прежде сего был, и многим людям нынешний король от двора своего отказал и впредь, чаем, больше в отставке будет, между которыми есть много из мастеровых людей отпускают, которые сами службы ищут; також и картины, как слышим, продавать будут; того для, когда у вас дела будут приходить к окончанию, тогда генерала Брюса отпустите в Берлин для найму мастеровых людей знатных художеств, которые у нас потребны, а именно: архитекты, столяры, медники и прочие».

Не склонив ни курфюрста ганноверского, ни прусского короля ни к какому «действию», Петр хотел нанести сильный удар врагу со стороны Финляндии. Намерение свое относи-

тельно этой страны он изложил в письме к адмиралу Апраксину еще из Карлсбада 30 октября 1712 года: «Сие главное дело, чтобы, конечно, в будущую кампанию как возможно сильные действия с помощью божиею показать и идти не для разорения, но чтобы овладеть, хотя она (Финляндия) нам не нужна вовсе удерживать, но двух ради причин главнейших: первое, было бы что при мире уступить, о котором шведы уже явно говорить починают; другое, что сия провинция есть матка Швеции, как сам ведаешь: не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль, и ежели бог допустит летом до Абова, то шведская шея мягче гнуться станет». Немедленно по приезде в Петербург, в марте месяце, велел он приготовляться к морскому походу в эту страну. 26 апреля галерный флот, состоявший из 95 галер, 60 карбасов и 50 больших лодок с 16000 войска, отплыл из Петербурга к Финляндии, сам Петр, как контр-адмирал, шел в авангарде; в *корде*-баталии находился генерал-адмирал граф Апраксин, в ариергарде – генерал-лейтенант князь Мих. Мих. Голицын и контр-адмирал граф Боцис. В начале мая русские войска высадились у Гельсингфорса; начальствовавший здесь генерал Армфельд, не дожидаясь приступа, ночью зажег город и убежал в Борго; русские отправились к Борго; но шведы очистили перед ними и этот город; русские овладели беспрепятственно и главным городом Финляндии Або: «Не только войска неприятельского, но ниже жителей тамо обрели, но все найдено пусто». Это было в конце августа; в октябре русские нашли на-

конец неприятеля, который решился принять битву: при реке Пелкени, у Таммерсфорса, генерал Армфельд был разбит Апраксиным и Голицыным; следствием победы было то, что вся почти Финляндия, до Каянии, находилась в руках русских.

И в Голштинии, и в Померании военные действия в 1713 году шли успешнее, чем в предыдущем. В начале марта Меншиков из Фридрихштадта отправился в Гузум, где жил датский король, чтоб выговорить его министрам за неисправную доставку продовольствия русским войскам. «Если так продолжится, – говорил светлейший, – то мы принуждены будем оставить здешние действия». Датские министры рассердились и в сердцах проговорились: «Если станете дорожиться, то мы имеем близкое средство к миру». «Если хотите заключить мир, то говорите прямо», – сказал Меншиков. Министры смутились и стали пенять друг на друга за то, что проговорились. «Из этого случая, – писал Меншиков царю, – отчасти можно признать, что у них не без особенного промысла насчет партикулярного мира, тем больше, что на днях был в Гузуме голштинский министр, жил три дня и, говорят, тайно допущен был к королю». Этот голштинский министр был знаменитый впоследствии Гёрц. Мы видели, что зять и друг Карла XII герцог голштинский был убит при Клиссове в 1702 году; за несовершеннолетием сына его, герцога Карла Фридриха, воспитывавшегося в Швеции, администратором Голштинии был родной дядя его, Христиан Август, князь-

епископ Любский, который очутился теперь в тяжелом положении слабого в борьбе между сильными. Перед союзниками он выставлял свой нейтралитет, а между тем тайно отдано было приказание тенингенскому коменданту впустить Стенбока с войском в крепость. Теперь министр Христиана Августа, Гёрц, явился к датскому двору с предложением, что уговорит Стенбока сдаться союзникам, но за это голштинские владения должны быть очищены от союзных войск и получить вознаграждение за убытки, причиненные войною. Гёрц из Гузума разъезжал в Тенинген к Стенбоку, в Гамбург к другому шведскому фельдмаршалу, Велингу, и по возвращении в Гузум уверял Флеминга и князя Вас. Лукича Долгорукого, что Стенбок непременно сдастся. Датские министры написали было уже и договор в том смысле, что Стенбок сдается одному датскому королю, но Долгорукий объявил, что он на это никак не согласится, что Стенбок должен сдаться всем союзникам, которые должны приобрести равные выгоды от этой сдачи. Между тем получены были известия, что в Тенингене большой недостаток в съестных припасах. Меншиков, тяготясь переговорами без конца, писал Долгорукому: «Это не дело, но Гёрцевы штучки, что самим вам легко рассудить можно: с начала пересылки с Стенбоком не видали мы ни одного от него письма; что Гёрц напишет или скажет, тому и верим, Гёрцу нужно одно – проволочь время и не допустить нас до бомбардирования. Итак, оставя это безделье, надобно приступить к делу, т. е. поскорее начинать бомбар-

дирование, чего вашему сиятельству и надобно домогаться». Вследствие этого домогательства Гёрц был удален, и союзники вошли в непосредственные сношения с Стенбоком, который сдался им 4 мая; а через 20 дней Меншиков выступил из Фридрихштадта: одна часть войска пошла к Гамбургу, другая – к Любеку; первый должен был заплатить 20000 талеров, второй – сто тысяч марок за то, что не прерывали торговых сношений со шведами. Узнавши об этом, Петр писал Меншикову: «Благодарствуем за деньги, что взято с Гамбурга доброю манерою и не продолжа времени, и чтоб из оных добрую часть послать к Куракину: зело нужно для покупки кораблей, ибо когда из них добрую часть (и буде возможно, и половину) пошлете к Куракину, то на весну мы можем около 30 кораблей и фрегат поставить, в чем я надежен, что вы сего главного дела не запомните».

Датские войска продолжали осаду Тенингена, хотя там и не было более шведов. Отряды союзных войск под начальством саксонского фельдмаршала Флеминга взяли остров Рюген; князь Долгорукий требовал у датских министров, чтоб немедленно же была начата осада Штральзунда, который не мог держаться без Рюгена, но его представлений не послушали. Понапрасну также русский посланник противился допущению Гёрца снова к датскому двору, понапрасну представлял «недоброжелательства Гёрцевы ко всему Северному союзу, и особенно к короне Датской». Ему отвечали, что допущением Гёрца король покажет склонность к прекра-

щению вражды с домом голштейнготторпским и что Гёрц, находясь при датском дворе, не может сделать ничего вредного. Но между тем Гёрц, не успевший обратить внимания Петра на свои предложения и видевший опасного себе врага в Долгоруком, бросился к Меншикову и успел вкрасься в его доверенность: он предложил ему план прорытия через шлезвигские владения канала, который бы соединял Балтийское море с Немецким и избавлял русские корабли от обязанности проходить через Каттегат. Исполнение предприятия и выгоды от него предоставлялись светлейшему князю. Меншиков стал видаться с Гёрцем, вошел в его планы относительно тесного союза голштейнготторпского дома с Россией, и шла уже речь о браке молодого герцога с царевною Анною Петровною. Но у Гёрца был еще другой план: так как союзники имели в виду овладеть шведскими городами в Померании, то он предложил, что склонит шведских комендантов этих городов к сдаче, но с тем, чтоб города были отданы в секвестр прусскому королю и голштинскому администратору, половина гарнизона в них будет прусская, а другая – голштинская. Меншиков принял предложение, которое не могло не понравиться и царю, потому что таким образом Пруссия, принимая шведские города, затягивалась в враждебные отношения к Швеции. В начале июня граф Александр Головкин проведал, что голштинский тайный советник Бассевич приехал в Берлин и трактует с тамошним двором о взятии Штетина в секвестр Пруссиию. Головкин немедленно выпро-

сил приватную аудиенцию у короля и представил ему, что это дело надобно улаживать по соглашению с Россиею, о чем князь Меншиков имеет полную инструкцию от своего государя. Король отвечал на это: «Когда так, то хорошо, будем это дело делать вместе, пошлю от себя кого-нибудь к князю Меншикову; я царскому величеству всегда добрый друг и никаких противностей интересам его величества делать никогда не хочу, но желаю ему во всем, сколько можно, помогать. Мы друг другу никакого зла сделать не можем, наоборот, можем друг другу помогать».

После этой аудиенции Головкин увиделся с Бассевичем и прямо объявил ему, что знает, зачем он приехал в Берлин. Бассевич так удивился, что скоро не мог отвечать; потом, оправившись, начал говорить: «Вижу, что вы все знаете, и потому не хочу от вас ничего утаивать; действительно, по указу своего правительства стараюсь я у здешнего двора, чтоб король прусский взял в секвестр город Штетин, и делаем мы это дело с согласия вашего фельдмаршала князя Меншикова и саксонского фельдмаршала графа Флеминга». Тут Головкин в свою очередь должен был сильно удивиться, потому что не имел никакого известия о согласии Меншикова.

После разговора с Бассевичем Головкин имел разговор с прусским министром Ильгеном, который объявил, что король посылает к Меншикову генерала Борка. При этом Ильген сказал: «Надобно признаться, что у нас это дело уже почти было слажено с шведами; думаю, что на будущей неде-

ле Штетин был бы в наших руках, для чего и войскам нашим уже велено приблизиться к границам Померании; но из дружбы к царскому величеству и по вашему предложению король решился войти по этому делу в соглашение с вами». Головкин спросил у Ильгена, будут ли теперь пруссаки помогать союзникам. Тот отвечал: «Если нам помогать вам войском, то это будет явное объявление войны шведам». «По крайней мере дадите ли нам свою артиллерию?» – спросил Головкин. Король еще подумает, отвечал Ильген, артиллерия дорого стоит, да и надобно справиться, есть ли в наших магазинах достаточно бомб и других принадлежностей, мы такого счастливого случая не пропустим и всеми силами будем стараться получить Померанию, чрез вас ли, чрез шведов ли. Спустя несколько времени Бассевич объявил Головкину о дальнейших голштинских замыслах. «Мы, – говорил он, – ведем переговоры с здешним двором о том, чтоб король прусский в случае смерти короля шведского помог нашему герцогу получить наследство, т. е. шведскую корону, за что обещаем прусскому королю Штетин с окрестными землями в вечное владение. Надеемся, – прибавил Бассевич, – что и царское величество, за наше усердие, поможет голштинскому герцогу в получении шведской короны, а не позволит перейти ей к принцессе Ульрике, второй сестре Карла XII; для того то мы и стараемся о померанском секвестре, чтоб закрепить за нашим герцогом шведские провинции в Германии».

Голштинцы обещали уговорить штетинского шведского

коменданта Мейерфельда к сдаче; но Мейерфельд не поддавался их внушениям, и голштинцы стали хлопотать, чтоб Меншиков осадил Штетин и таким образом напугал Мейерфельда; о том же хлопотало и прусское правительство, которое хотело приобрести Штетин без всякого со своей стороны пожертвования. Поэтому когда Меншиков в начале июля осадил Штетин, но осада затянулась и для ее ускорения требовалась прусская артиллерия, то Ильген и другой министр, Грумкау, убедили короля, что надобно покинуть мысль о секвестре, ибо послать прусскую артиллерию к Штетину – значит явно объявить войну шведскому королю, притом же для этого нужна большая сумма денег. В Берлине не хотели вступить в открытую войну со Швециею, но и не хотели также, чтоб эта держава сохранила прежнюю свою силу, помнили ее тесный союз с Франциею, союз, противный интересам Пруссии и всей Германии, помнили ее войну с великим курфюрстом. 10 августа был обед у короля Фридриха Вильгельма, где присутствовали посланники русский, шведский и голландский. Король предложил тост за здоровье русского государя, потом Голландских Штатов и забыл о шведском короле. Шведский посланник Фризендорф отказался пить за здоровье царя, вместо того выпил за добрый мир и при этом просил короля, чтоб он был посредником и доставил Карлу XII удовлетворение – возвратил ему Лифляндию и другие завоевания, ибо король прусский не может желать усиления царя. Король отвечал: «Удовлетворение следует цар-

скому величеству, а не шведскому королю, и я не буду советовать русскому государю возвращать Ливонию, рассуждая по себе: если бы мне случилось от неприятеля что завоевать, то я бы не захотел назад возвратить; притом царское величество – добрый сосед и других не беспокоит; а что касается посредничества, то я в чужие дела мешаться не хочу». Фризендорф напомнил о дружбе, которая была всегда между Швециею и Пруссиею при покойном короле Фридрихе I; в ответ Фридрих-Вильгельм припомнил войну, которую вела Швеция с Пруссиею при деде его, припомнил тесный союз Швеции с Франциею. «Одного только недостает – чтоб французский герб был на шведских знаменах», – сказал между прочим король. Фризендорф начал уверять, что такого союза нет между Швециею и Франциею. «А хочешь расскажу, что ты мне говорил шесть недель тому назад?» – сказал король. Фризендорф испугался. «Я это говорил вашему величеству наедине, как отцу духовному», – сказал он и прибавил, что король все шутит. «Говорю, как думаю, – отвечал король, – и никого манить не хочу». В Берлине не хотели усиления Швеции, не хотели и усиления Дании и потому приняли предложение голштинцев, чтоб требовать от датского короля очищения Голштинии.

Все это – и отказ прусского короля взять в секвестр Штетин, и действия Пруссии против Дании в голштинском интересе – не могло нравиться Петру. 19 сентября он писал Меншикову: «Преизрядная б была польза, чтоб Штетин взять,

ибо чаем, король прусской для того отстал от секвестрации, что король швецкой диплом прислал отдать оный ему, ежели в его интерес вступит; что же о голштинцах и дацких – правда, что хотя дацкие и неблагодарны явились, и зело слепо и недобро поступают, однако уже то подлинно есть, что неприятели шведам и нам, наипаче для моря, зело нужны, а на новых друзей, голштинцев, еще трудно надеяться: может бог из Савла Павла сделать, однакоже я в том еще фоминою веры; впрочем, все полагаю на ваше рассуждение по тамошним конъюнктурам, а наипаче того смотреть, чтоб армию, не разоря, проводить домой». Вслед за тем 21 сентября другое письмо в том же роде: «Чтоб, когда бог даст Штетин, отдать за секвестрацию прусскому, о том мое рассуждение, что то добро, ежели не будет противно королю польскому, ибо оному то обещано, а прусскому отдадим без всякой с их стороны к нам склонности; буде же королю польскому сие не будет противно, то для нас изрядно, а по-моему, лучше бы отдать не в секвестрацию, но вовсе, а за то б обязался (пруссский король) в Польшу шведов не пускать, также, буде возможно, хотя б четыре полка дал своих королю польскому, ежели турки на весну что начнут. Что же голштинцы к сему зело склонны, то для того, чтоб скорее оной город от пруссаков могли назад получить, неже от нас. Что же пишите, что голштинцы каковы были противны нам, таковы ныне склонны – дай боже, чтоб была правда, а я чаю, все для того, чтоб тем выжить датчан от себя, ибо еще ничего нам

делом не показали, как шведам помогли Тонингом. Для бога осторожно с такими поступай; лучше держаться апостола, который к таким пишет: покажи мне веру свою от дел своих; а словам верить нечего, ибо хотя иные и хотят своего князя королем шведским (сделать) – то правда, да еще старый жив. Поступки датчан неладны, да что ж делать? а раздражать их не надобно для шведов, а наипаче на море; ежели б мы имели довольство на море, то б иное дело, а когда не имеем, нужда оным флатировать, хотя что и противное видов, чтоб не отогнать. Что же пишете о трудном своем деле, тому я верю, а что пишете, как вам поступать с голштинцами, на то отвечаю, что и оных озлоблять не надлежит, но приводить к тому, чтоб они, когда ищут с нашей стороны себе приятельства ко вспоможению короны шведской князю их (т. е. чтоб герцог их, как племянник бездетного Карла XII, получил шведскую корону), то можно им обещать, только б они что-нибудь наперед делом показали, а пока дела в наш интерес не сделают, ничего им не надлежит открываться и верить, но содержать в ласке внешней, а не внутренней, прочее воистину не могу за очи резону дать, но полагаюсь в том на вас, ведая доброе сердце ваше».

Но когда писались эти предостерегательные письма, указывавшие на необходимость щадить Данию и не доверять голштинцам, естественным союзникам шведов, Меншиков действовал «по тамошним конъюнктурам». 18 августа, получив саксонскую артиллерию, он заключил с Флемингом до-

говор, по которому обязался взять Штетин одними русскими войсками и отдать его в секвестр королю польскому вместе с администратором голштинским; а если король прусский пожелает взять его в секвестр вместе с голштинским администратором, то может это сделать, заплативши царю и королю польскому деньги за убытки, понесенные во время осады. Осада шла успешно, и, когда со стороны осаждающих «из мортир и пушек такой трактамент был Штетину учинен, что тотчас во многих местах в городе загорелось и превеликий пожар учинился», Мейерфельд, потерявши надежду долее защищать город, 19 сентября при посредстве Бассевича согласился выйти из Штетина, отдавши его в секвестр королю прусскому и администратору голштинскому; Меншиков позволил, чтобы два шведских батальона остались в городе, принеся присягу на верность герцогу голштинскому. После этого Меншиков поехал в бранденбургский город Швет, где заключил с прусским королем окончательный договор не только о «секвестрации» Штетина, но также Рюгена, Штральзунда и Висмара. Покончив эти дела, светлейший князь двинулся к русским границам; в Померании осталось только 6000 русского войска. Прусский король был в восторге, что получил желаемое. «Донесите царскому величеству, – говорил он Головкину, – что я за такую услугу не только всем своим именем, но и кровию своею его царскому величеству и всем его наследникам служить буду и хотя бы мне теперь от шведской стороны не только всю Померанию, но корону

шведскую обещали, чтоб я пошел против интересов царского величества, то никогда и не подумаю так сделать за такую царского величества к себе склонность».

Сколько радовались в Берлине, столько же печалились в Копенгагене.

Когда при датском дворе узнали о секвестрации, то поднялось сильное волнение. «Больше зла нельзя сделать нашему королю, как этою секвестрацией, – сказали датские министры Долгорукому. – Герцог голштейн-готторпский столько же желает добра королю шведскому, сколько желают ему и сами шведы; так можно ли было допускать его вмешиваться в дела Северного союза? Королю прусскому верить трудно, зная сношения его с Францией в пользу шведскую; сами прусские министры открыли, что их король обещал помогать герцогу голштейн-готторпскому против нашего короля. У нас уже начаты были приготовления, чтобы на будущее лето вступить в Шонию; но теперь нечего думать о войне, надобно искать мира; союзники отняли у нашего короля все способы к наступательной войне, а оборонительную войну вести только разоренье без всякой прибыли». Долгорукий успокаивал их как мог, спрашивал, на каких условиях желают они отдать померанские города в секвестр? «Отдать одному королю прусскому, чтоб о герцоге голштейн-готторпском и помину не было», – отвечали министры Сердились не на Меншикова, а на Флеминга, которому приписывали все это злое дело, рассказывали, как Флеминг недавно еще грозил-

ся отомстить датскому двору за прежние неприятности. Раздражение против Голштинии было тем сильнее, что мирные переговоры между нею и Данией кончились тем, что Гёрц, не сказавшись никому, тайком уехал на крестьянской телеге окольными дорогами; Долгорукому объявили, что Гёрц предлагал отдельный мир между Даниею и Швециею; сам король сказал ему: «Вы пророк: что вы предсказывали о Гёрце, то и случилось; он предлагал такие дела, от которых был бы страшный вред Северному союзу».

Скоро пришли известия, которые оправдывали опасения датского короля и его министров: прусский король объявил, что Дания должна очистить владения герцога голштейн-готторпского, в противном случае Пруссия силою заставит ее это сделать. Петр получает письмо от датского короля. «Я думаю, – пишет Фридрих IV, – что все эти договоры о секвестрации заключены Меншиковым и Флемингом нарочно к моему вреду, и это уже не в первый раз оба они обнаруживают свою вражду против меня. Надеюсь, что, ваше величество, изволите взглянуть на это дело совершенно иначе и меня, как своего верного союзника, не оставить, изволите повторить иностранным дворам объявление о необходимости прежних распоряжений в мою пользу относительно голштейн-готторпского дела и дать указ князю Меншикову, чтоб он со всеми русскими войсками, находящимися в Померании, готов был помогать мне при первом на меня нападении с какой бы то ни было стороны. Вашего величе-

ства высокое праводушие и понимание собственного интереса требуют зрелого обсуждения этого представления моего и не позволят допустить, чтобы необходимое между нами согласие прекращено было такими отдельными договорами. Ваше величество, по своей рассудительности не можете не усмотреть здесь враждебных намерений и не отвратить их заблаговременно».

«Трактат о секвестре Померании мы рассматривали, – отвечал Петр, – и нашли, что некоторые статьи противны нашему общему интересу. Статьи эти приняты князем Меншиковым по нужде, потому что прусский двор без них в секвестр вступить не хотел; нашим войскам нельзя было там долее оставаться по причине позднего времени и недостатка в продовольствии. Что касается до отдачи на секвестр Штральзунда и Висмара, то мы позволим отдать их только на таких условиях, на каких угодно будет вам и королевскому величеству польскому; касательно же Штетина нам нельзя отречься от ратификации, ибо договор заключен с согласия короля польского, которому город этот по разделу принадлежал; надеемся, что и вашему величеству договор противен быть не может, потому что при заключении его в Шведе находился и ваш генерал Девиц. Однако мы удержались и от посылки этой ратификации, узнав, что между королем прусским и домом готторпским заключен договор, в котором находятся вредные для вашего величества статьи. Мы приказали находящемуся при прусском дворе графу Александру Головки-

ну требовать, чтоб эти статьи были исключены, и если наше требование будет исполнено, то и мы ратификуем договор о Штетине».

Представления графа Александра Головкина в Берлине, отказ Англии давать субсидии на датскую войну и неудовольствие Франции на то, что Пруссия захватила шведские владения и хочет их удержать за собою, заставили Пруссию отказаться от угрожающего положения относительно Дании; впоследствии со стороны Франции явилось предложение, что если прусский король хочет получить Штетин в вечное владение, то должен объявить войну России, чтобы заставить ее отказаться от всех своих завоеваний. Осторожный Фридрих-Вильгельм, хорошо знавший русского царя и его средства, с негодованием отверг это предложение; но в Дании не переставали беспокоиться и относительно Пруссии, и относительно того, что герцог голштинский был ближайший наследник шведского престола. Долгорукий писал, что король никак не хочет помириться с герцогом, если тот не отречется от прав своих на шведский престол или по крайней мере не обяжется, что, сделавшись шведским королем, не присоединит Голштинии и Шлезвига к Швеции. Царь велел Долгорукому объявить королю, что и он такого же мнения, да и другие государства не допустят, чтобы герцог владел Швециею и Голштиниею. Но хлопоты не ограничивались одною Данией. В феврале 1713 года английский посланник в Голландии лорд Страффорд говорил князю Куракину: «Натурально, что

Англия никогда не хочет видеть в разорении и бессилии корону Шведскую. Намерение Англии – содержать все державы на севере в прежнем равновесии. Выгоды нашей торговли требуют, чтобы мы старались о прекращении Северной войны. Россию трудно помирить с Швецией: ваш государь хочет удержать все свои завоевания, а шведский король не хочет ничего уступить. По моему мнению, Ливонии нельзя отнять у Швеции; надеюсь, что ваш государь удовольствуется Петербургом, о чем у нас есть уже известия; Нарва по своему положению одинаково нужна обеим державам». «Во всяком случае, – писал Куракин, – мы с своими союзниками никакой надежды иметь не можем: министры императорские, видя свое бессилие, очень щадят шведа; здешние Штаты хотя бы и намерены были что-нибудь для нас сделать, да бессильны, делают только то, что угодно Англии». Страффорд внушал влиятельным людям в Голландии, что если царь будет иметь гавани на Балтийском море, то вскоре может выставить свой флот, ко вреду не только соседям, но и отдаленным государствам. Английское купечество, торговавшее на Балтийском море, подало королеве проект, в котором говорилось, что если царь будет иметь свои гавани, то русские купцы станут торговать на своих кораблях со всеми странами, тогда как прежде ни во Францию, ни в Испанию, ни в Италию не ездили, а вся торговля была в руках англичан и голландцев; кроме того, усилится русская торговля с Данией и Любеком.

Эти враждебные заявления были остановлены угрозою Петра. Возвратился в Голландию бывший в Дании посланник Гоус и донес своему правительству о разговорах, бывших у него с царем. Петр объявил ему, что желает иметь посредниками цесаря и Голландские Штаты, ибо надеется на беспристрастие этих держав; не отвергает и посредничества Англии, только подозревает ее в некоторой враждебности к себе. «Я, – говорил Петр, – готов, с своей стороны, явить всякую умеренность и склонность к миру, но с условием, чтобы медиаторы поступили безо всяких угроз, с умеренностию; в противном случае я вот что сделаю: разорю всю Ливонию и другие завоеванные провинции, так что камня на камне не останется; тогда ни шведу, ни другим претензии будет иметь не к чему». Передавая эти слова, Гоус внушил, что с царем надобно поступать осторожно, что он очень желает мира, но враждебными действиями принудить его ни к чему нельзя. «Сие донесение, – писал Куракин, – нашим делам не малую пользу учинило».

В июне-месяце Страффорд начал требовать, чтобы Россия, Дания и Саксония приняли посредничество морских держав, Англии и Голландии, для заключения мира с Швециею. При этом датский и польский послы объявили Куракину, что имеют указы от дворов своих при нынешних нужных случаях приводить в интерес своих государей и обещать денежные дачи лорду Страффорду и некоторым из значительнейших сановников Голландской республики; датский

посол объявил, что готов обещать Страффорду 20000 талеров; польский (саксонский) посланник объявил, что на все раздачи имеет 40000 талеров, и потому обещал Страффорду 20000; той особе, которая в пересылках будет с Страффордом, каждый обещал по 2000 червонных; требовали и от Куракина, чтоб и он обещал Страффорду 20000 талеров, но тот отвечал, что без указа сделать этого не может. Куракин обратился к самым влиятельным лицам в Голландской республике с вопросом: какая им нужда так спешить с своею медиацией? Какой их собственный интерес в этом заключается? «Все это мы делаем только для виду, – отвечали они, – нужно нам утешить Англию; а прямого намерения спешить с северными делами у нас нет; мы будем в этом деле сколько возможно тянуть и откладывать согласно с интересами царского величества; но вместе с тем было высказано мнение, что царскому величеству не надобно медлить мирными переговорами, потому что если Франция заключит мир с цесарем, то, имея свободные руки, будет усердно помогать шведскому королю войском и деньгами, не пожалеет и миллионов, чтобы возвратить Швеции прежнюю силу; да небезопасно будет и со стороны Турции. Голландии нельзя отдаляться от Англии, потому что если Англия, озлобясь, бросит Голландию и вмешается в северные дела вместе с Франциею и Пруссией, то Голландия потерпит большой убыток в балтийской торговле, да и царскому величеству не будет никакой пользы, если Голландия будет исключена из переговоров

о северных делах».

Когда Куракин дал знать обо всем этом своему двору, то получил ответ: от медиации морских держав, как возможно, отговариваться; но *добрые средства* (*bona officia*) принимать, чтобы по крайней мере в прелиминарные статьи внесено было как основание возвращение старых русских земель, уступленных по Столбовскому миру. Ливония уступается короне Польской с таким условием, чтобы никому другому не была отдана. Если же будут непременно требовать, чтобы Ливония была возвращена Швеции, то объявить, что царское величество согласен отдать и шведам, если король польский и Речь Посполитая позволят; но отдать шведам с непременным условием, чтобы крепости были разорены. Если местом мирных переговоров не захотят назначить Данциг, то предлагать Бреславль; если же и на это не согласятся, то Брауншвейг; а от Гаги и от других мест по дальности отговариваться. Если захотят заключить перемирие, то принять на 20 или по крайней мере на 15 лет, а принять на кратчайший срок – значит неприятелю только отдых дать; когда и в царствование Михаила Феодоровича война была со шведом, то перемирие заключено было на 30 лет. Спешить переговорами, если будет видно, что дела у цесаря с Францией, также и в Англии приходят к концу; если же этого не будет видно, то длить переговоры и дотянуть, если возможно, до будущей кампании. Если морские державы будут сильно держать шведскую сторону, то повторить слова цар-

ского величества, сказанные голландскому министру Гоусу, что прежде обратятся в пепел все завоеванные места, чем уступятся неприятелю в целости, ибо отдать крепости в руки неприятельские – значит опять самим себе змею пустить за пазуху. Лорду Страффорду обещать 20000 ефимков, если он к интересам царского величества покажет себя действительно склонным. В Англии уполномоченным для заключения северного мира назначили Витворта; кажется, он к северным союзникам доброжелателен, ибо хотя и ласкается к нынешнему торийскому министерству, но сердцем виг; обещать ему тайно 50000 ефимков, если он поможет заключению мира на желаемых условиях. Особе, которая будет в пересылке с лордом Страффордом, обещать 2000 червонных; на раздачу всем, кто будет помогать, царское величество назначил 100000 ефимков.

Съезд уполномоченных для переговоров о северном мире назначен был в Брауншвейге, но конгресс этот не повел ни к чему; дела шли по желанию царя, т. е. очень медленно; Англия была занята внутренними Делами; Голландии вовсе не хотелось ввязываться в северные дела; ее более всего беспокоила связь Англии с Франциею; кроме того, еще продолжалась война у Франции с императором. Петр спешил пользоваться обстоятельствами. Для того чтоб окончательно успокоить датское правительство и побудить его действовать наступательно против шведов в 1714 году, Петр отправил на помощь Долгорукому в Копенгаген человека, в ко-

тором заметил большие способности и вывел из денщиков в генерал-адъютанты, – Ягужинского.

Ягужинский получил наказ: приехав в Копенгаген, представлять: 1) королевскому величеству известно, что Швеция теперь оружием союзников почти к падению приведена; державы, от которых она ждала помощи, заняты собственными делами, как Англия, так и Франция; бранденбургский также обязался не только не поступать ко вреду союза, но и не допускать шведов в империю и Польшу; Штетин взят, и королевское величество и союзники его никакого другого неприятеля, кроме шведов, опасаться не могут – одним словом, бог дает нам в руки неприятеля, только бы мы с благодарностью приняли; неленостно и между собою прямым общим сердцем поступали, все, что кому возможно, делали без всяких претензий; для того мы просим у королевского величества совета, как удобнее эту войну выгодным миром окончить, и с своей стороны предлагаем следующий совет: 2) так как нынешнею кампанией финская земля вся у неприятеля отнята, корпус неприятельский в ней разорен и дошли мы до самого *синус Ботникус* (Ботнического залива), то далее нам сухим путем идти нельзя, а водою кораблей у нас мало, мелких судов хотя и довольно, однако на них через синус Ботникус перейти нельзя по причине неприятельской эскадры; так же и королевскому величеству в Померании вследствие заключенной секвестрации в будущую кампанию над Штральзундом действовать едва ли возможно; итак, остается одно

морское действие. 3) Так как королевскому величеству другого места не остается для войны, как Шония, которую очень легко может получить, если изволит склониться на наш совет, и не только Шонию получит, но и мир по желанию вскоре заключить будет можно, то мы предлагаем 15000 человек на своих морских судах, на своих деньгах и хлебе, только бы они были под защитою датского флота. 4) Русскому флоту по соединении с датским идти к шведскому берегу, атаковать батареи на стокгольмском фарватере или высадиться на берег и идти прямо к Стокгольму. 5) Так как шведы вследствие вступления нашего в Финляндию ждут нападения и все свои силы сосредоточат у Стокгольма и идти к этому городу не без труда будет, то предлагается и такой способ: разгласивши, что идем к Стокгольму, идти к Карлскроне и стать флотом в таком месте, чтобы не выпустить кораблей из гавани, а *скампавеям* атаковать город; если бог поможет это сделать, то прибыльнее будет Стокгольма, потому что последняя шведская надежда состоит во флоте. 6) Когда эти действия начнутся, король датский может войти в Шонию без всякого опасения и делать там, что хочет. Неприятель тогда с трех сторон будет окружен; флот флотом заперт; сухопутные войска русские на одно из указанных выше мест устрелятся, а датские в Шонию войдут; тогда, думаю, не только захотят мириться, но и бланкет пришлют. 7) Так как мы тогда сами будем при войсках, то чтобы королевское величество изволил вручить нам команду над своим флотом. Если

этих предложений не примут, то хотя бы эскадру от 7 до 10 кораблей прислали на половинном жалованьи и обнадружили бы, что шведский флот к нам не пропустят. Если же на последнее не согласятся, то и эскадры не надобно; от нее только убыток, если флот шведский не будет удержан, а лучше всякому воевать, как кто может, разве просить, чтобы дали от трех до пяти кораблей до окончания войны, а потом мы их отдадим, а что будет потеряно, вдвое отдадим; если корабль пропадет, новый поставим.

Ягужинский в январе 1714 года дал знать царю, что приезд его в Данию оказывается вреден. «Король ни во что один не вступает, – писал Ягужинский, – и никаким образом в разговор без министров не входит; случилось мне благодаря некоторым приятелям быть позвану ужинать к метрессе, где и король сам был, и тут я улучил час с ним говорить и представлял ему всякие не оцененные в вечную их пользу способы; но он на все то одним словом отвечал, что прежде всего надобно получить письменное обнадруживание от прусского короля, а потом помочь Дании деньгами. „Без того, – сказал король, – не можем ничего начать; можно вам и самим рассудить, зная наше положение, что так сильно одни не можем действовать“». Ягужинский хотел было продолжать свои представления, но король, ничего не отвечая, ушел с метрессою во внутренние покои.

«С министрами, – писал Ягужинский, – дело идет так гнило, что и сказать нельзя, друг друга дрожат, боятся, а Вы-

бей и говорить при людях с нами долго не хочет. Мой приезд сюда оказал более помешки, чем пользы, ибо никак не хотят верить, чтоб я был прислан без больших денег, и думают, что мы с князем Долгоруким крепимся и без крайней нужды денег им объявить не хотим». Ягужинский указывал две причины, почему датчане не хотели слушать от него никаких предложений относительно наступательной войны против шведов: во-первых, очень *влакомились* в Голштинию и выживать их оттуда трудно; много тратят на содержание там войска, и потому недостает у них денег на сооружение флота; во-вторых, задерживаются добыванием Тенингена, прежде взятия которого трудно добиться у них какого-нибудь решения. Когда Ягужинский и Долгорукий добивались, как, по мнению королевскому, царь должен действовать в будущую кампанию, то им отвечали, что царь уже все получил от неприятеля, войска его в Финляндии прошли до самого Ботнического залива и потому пусть теперь ведет одну оборонительную войну, а королю поможет деньгами на вооружение флота, потому что теперь нет другого способа воевать неприятеля, как морем; для этого нужен датский флот, а король не может вооружить флот за недостатком денег.

Царь получил от неприятеля все поблизости границ своих; и король спешил получить кое-что поблизости, спешил взять Тенинген, а между тем объявил на письме Ягужинскому и Долгорукому, что не может войск своих отозвать из герцогства Шлезвигского и Голштинского, пока не будет обес-

печен с немецкой стороны, особенно от короля прусского. Вернейший способ для этого – ввести прусского короля в интересы северных союзников, и так как город Штетин с окольными землями ему очень нужен, то Дания вместе с Россиею будет согласна дать ему гарантию, но с условием, чтоб король прусский порвал все свои обязательства с князем голштинским, дал письменное удостоверение, что ничего в пользу его предпринимать не будет, и чтоб взаимно гарантировал Дании завоеванные ею княжества Бременское и Верденское. Если все это будет исполнено, то король согласен сделать высадку в Шонию, но не иначе как если царь поможет ему деньгами.

2 февраля 1714 года Тенинген сдался датчанам; но это событие не облегчило царских уполномоченных в ведении переговоров относительно субсидий: датские министры требовали 400000 кроме 150000 недоплаченных из прежних субсидий, потом уменьшили сумму до 200000 ефимков кроме недоплаченных и обещались за это соединить свой флот с русским для действия у Карлскроны, причем царь будет командовать обоими флотами; сухопутного же войска король не может вывести из Шлезвига и Голштинии, опасаясь короля прусского. С этим Ягужинский и отправился назад, в Россию.

Между тем к Петру, который находился в Риге, явился уже известный нам голштинский дипломат Бассевич хлопотать об интересах своего молодого герцога.

Перед отъездом из Берлина Бассевич сообщил графу Александру Головкину о цели своей поездки, высказал надежду, что посредством их, голштинцев, может быть заключен мир между Россией и Швециею, ибо король шведский видит и сам, что при теперешних обстоятельствах ему надобно что-нибудь уступить, кого-нибудь удовлетворить: или царя (с условием, чтоб он оставил своих союзников), или короля прусского; что король шведский охотнее удовлетворит царя, потому что надеется на его слово. Шведский посланник Фризендорф говорил Головкину в том же смысле: «Лучше нам удовольствоваться сильнейшего из своих неприятелей и с ним помириться». Но Бассевич приехал в Россию не вовремя. Мы видели, что и прежде Петр подозрительно и неблагосклонно смотрел на голштинских дипломатов, на этих маленьких людей, стремящихся посредством интриг заправлять большими делами; а теперь этот взгляд еще более усилился, когда стачка Меншикова с ними относительно померанского секвестра наделала царю столько неприятностей в Дании. Поведение Меншикова в Померании усилило охлаждение к нему царя, и враги светлейшего могли действовать смелее. После, когда Пруссия уже приступила к союзу, Меншиков, разговаривая с голландским резидентом Деби, распространился о преследованиях, которым подвергался со времени возвращения своего из Померании за секвестр Штетина, и сказал: «Теперь они все молчат; этот секвестр должен был меня погубить, а теперь он причиною,

что король прусский для охранения Штетина, столь ему дорогого, заключил новый союзный трактат с царским величеством. Так вот плоды моей дурной администрации! Что сделала Дания? Ничего, только обманула царское величество!» Но во время приезда Бассевича плоды померанской администрации еще не были видны с хорошей стороны, и сам Меншиков для оправдания себя должен был складывать всю вину на Флеминга, что дало повод врагам указывать на его неспособность к делам. Петр сказал Бассевичу: «Ваш двор, руководимый обширными замыслами Гёрца, похож на ладью с мачтою военного корабля; малейший боковой ветер должен потопить ее». Когда Бассевич вооружался против Дании, которая ведет себя слишком недобросовестно и своекорыстно, стремясь овладеть Тенингом, когда там уже нет более шведов, то царь отвечал, что администратор, впустивши шведов в Тенинген, нарушил свой нейтралитет и потому терпит справедливое наказание. Бассевич возразил: «Их действительно впустили, но в то же время и выдали».

«Нехорошо поступили, что впустили, – отвечал царь, – еще хуже сделали, что изменили им; государям надобно вести себя добросовестно». Бассевич и Меншиков работали целый день над составлением статей, которые, по их мнению, должны были понравиться царю.

Статьи были следующие: 1) чтоб царское величество поручился, что крепость Тенингенская не будет разорена; чтоб герцогскому голштинскому дому развязаны были руки дей-

ствовать; чтоб Россия не вступалась за Данию. На это Петр отвечал: «О Тонинге, чтоб не был разорен, к королю датскому писано; а что гарантовать и за своего союзника не вступаться, того невозможно; ибо хотя б интерес не требовал, то данное обязательство надлежит хранить, понеже, кто кредит потеряет, все потеряет». 2) Когда шведский престол будет свободен, то царь не только не будет препятствовать молодому герцогу голштинскому занять его, но еще будет помогать по возможности. *Ответ:* «В сем не отрицается и чаем, что и союзникам нашим сие противно не будет; только надлежит ведать намерение короля прусского в том, без которого ни во что вступать невозможно». 3) Если король шведский возвратится в свое государство и потом через посредство других держав последует общий мир, то его царское величество обещает усиленно стараться, чтоб завоеванные провинции, которые Россия не удержит и Швеция назад не получит, отданы были герцогу голштинскому. *Ответ:* «Будем стараться, чтоб Финляндию сему принцу получить; но чтоб и его светлость со своей стороны в том також обще помог». 4) Если король шведский останется без наследников, то царское величество обещает постоянно хлопотать за герцога голштинского и входит с герцогским домом в сношения насчет мер, какими должно доставить герцогу шведский престол. *Ответ:* «О восставлении молодого принца на престол шведской уже объявлено во втором пункте; а чтоб зарань о том, какой договор чинить, кажется неприлично, понеже король, ради мо-

лодости своей, еще от натуральной смерти далек». 5) Если герцог голштинский получит шведский престол, то царское величество обещает и наследственные его земли присоединить к Швеции и в этом деле не ставить никакого препятствия, чтобы со стороны герцога можно было Россию и другие заинтересованные державы скорее в другом удовольствовать. *Ответ:* «Сей пункт есть зело деликатной (к тому ж и король швецкой еще жив), и сенс оного зело на тонких ногах носит свое седалище». За эти услуги со стороны царского величества администратор голштинский за себя и за молодого герцога обещает: 1) заключается вечный союз между Голштиниею и Россиею и утверждается браком молодого герцога со старшею принцессою, дочерью царского величества. *Ответ:* «За первое благодарствуем; что же принадлежит о супружестве, и то до возраста отложить, ибо хотя я отец, однако же без воли ее того учинить невозможно». 2) Брак должен состояться во всяком случае; но если герцог не получит ни шведской короны, ни завоеванных провинций, то царское величество обязывается дать достаточное приданое, настоять на очищении голштинских владений, не помогать Дании. *Ответ:* «Что принадлежит между Даниею и Голштиниею, о том удобнее на Брауншвицком конгрессе определить, ибо сие дело не зело до нас касается, яко отдаленных; а чтобы королю датскому не помогать, то уже выше отказано, ибо лучше можем видеть, что мы от союзников оставлены будем, неже мы их оставим, ибо гонор пароля дражая

всего есть». 3) С герцогской стороны обещается, если молодой герцог получит шведскую корону, то даст царскому величеству на выбор: либо Ингрию и Корелию от Выборга до Нарвы, либо Лифляндию и Эстляндию; то или другое непременно уступлено будет России. *Ответ:* «О Ингрии и Корелии, яко изначала российских провинций, упоминать не надлежит, которые никогда за шведами не были, пока генерал Делагардий оные вместо помочи против поляков, вшед дружески, в три года войною отобрал; к тому же сей пункт есть сеть: на что ни соизволить – зла не миновать, ибо ежели одна Ингрия останется, а неприятель получит Эстляндию и Финляндию, то ради узкости моря Финского и фортеций с обеих сторон – Ревеля и Гельзингфорса – в его воле будет наш фарватер, чрез что повелителем будет нам; буде же Лифляндию и Эстляндию удержать, а Ингрию отдать, то отрезаны будем от России». 4) Со стороны Голштинии обещается также: удовольствовать прусского короля и склонить его к тому, чтоб помог молодому герцогу получить престол шведский; если герцог получит этот престол, то уступить город Висмар герцогу мекленбургскому, за которого царское величество может выдать одну из своих племянниц; Бремен и Верден будут уступлены князю администратору голштинскому; таким образом, интерес соседей будет охранен, Швеция не усилится чрез присоединение к ней наследственных земель герцога голштинского, напротив, ослабевает вышеозначенными уступками, и царскому величеству нечего будет ее более опасать-

ся. *Ответ:* «Здесь ясно явилось, чтоб мы не только там короля датского утеснили, что когда молодой князь будет королем шведским, то чтобы и княжество свое удержал (что, чаю, никто не допустит), но Бремен и Верден, которые датский король завоевал, у него из рук отнять и на весь свет показать, как мы своих союзников трактуем. Сею негоциациею хотят нас с датским двором разлучить, чтоб мы вечный интерес наш против всегдашнего неприятеля сами опровергнули». 5) Наконец, со стороны голштинской обещается царскому величеству позволить для большого обеспечения настоящих обязательств войска русские под каким-нибудь предлогом ввести в Тенинген и держать эту крепость под видом севестра до совершеннолетия герцога. *Ответ:* «Сего учинить невозможно, понеже мы обязались все прогрессы в немецкой земле чинить с воли своих союзников».

Заподозрив в предложениях Бассевича намерение разорвать союз между Россиею и Даниею, Петр решился «все сие возвратить паки в тое скрыну (ящик), отколе вынято». Царь сказал Бассевичу: «Если Швеция купит дружбу Дании уступкою Бременской области, дружбу Пруссии уступкою Штетина и после того все обратится против меня, да еще при посредстве вас, голштинских интриганов? Причины ваши хороши, но у меня есть свои, лучше: было бы недостойно меня притеснять союзника (датского короля), который вступает в переговоры для исправления своих ошибок». Эти слова царя объясняются тем, что еще в начале 1714 года в Петербурге

было получено предостережение от князя Куракина из Гаги. Самая знатная и достоверная персона под великим секретом сообщила Куракину о целях посольства Бассевича, как именно она высказалась в его предложениях. Таинственная персона прибавила, что предложения Бассевича заключают в себе коварство: голштинский двор не имеет прямого намерения привести предлагаемые дела к окончанию, а только хочет заставить царя покинуть датский союз; кроме того, этими фальшивыми переговорами голштинцы стараются озлобить против царя старое шведское дворянство, которое хочет мимо герцога голштинского передать престол младшей сестре Карла XII Ульрике Элеоноре. Та же таинственная персона сообщила Куракину о новом трактате при дворе прусском и об интригах графа Флеминга. Прусский король обзывался дать Карлу XII в помощь 40000 войска, чтоб Швеция могла отобрать все свои владения у России и Дании и, сверх того, завоевать у последней Норвегию, а Карл XII за это должен уступить Пруссии Штетин с округом; Пруссия получит также Эльбинг и польскую Пруссию от короля Августа II, которого за это Карл XII признает польским королем. Бассевичу было объявлено, чтоб он выезжал из России, что тот и исполнил 20 апреля. Долгорукий должен был объявить об этом при датском дворе и прибавить, что царское величество ожидает подобных же поступков и со стороны короля в случае каких-нибудь неприязненных для союза предложений. Но этими ожиданиями ограничиться было нельзя,

и через три дня по отъезде Бассевича Петр написал королю Фридриху IV, что согласен дать ему на вооружение флота 150000 рублей и, кроме того, помогать провиантом. Петр уговаривал короля действовать всеми силами на шведских берегах, тем более что в прошлую кампанию датские войска находились в бездействии. Царь извещал, что он удерживает прусского короля от всяких неприязненных намерений; король Фридрих-Вильгельм дал письменное обнадеживание, что ничего не предпримет ко вреду Северного союза; однако он, царь, этим обнадеживанием не довольствуется именно потому, что в нем ничего не упомянуто о голштинском деле. Обещая стараться о дальнейших, более верных обеспечениях со стороны Пруссии, царь требовал, чтоб король датский действовал за это усиленно против Швеции, потому что шведы, не видя для себя опасности со стороны Дании, обращают теперь все свои силы против России. Письмо оканчивалось угрозою, что если датчане не сделают диверсии в Швецию, то и Россия не будет более сдерживать прусского короля.

«Денег 150000 рублей мало, и время уже позднее», – был ответ Долгорукому от короля и министров. «По всем здешним поступкам видится, что намерены нынешнюю кампанию пробывать без действия», – писал князь Василий Лукич к своему двору. Царь не давал денег, а посланник английский всеми способами старался внушить королю, как опасно для Дании усиление России на Балтийском море; те же внушения повторял и секретарь французского посольства. Россия

может быть опасна на море, но все же она не так опасна, как Швеция, враг извечный, против которого Россия, естественная союзница. Этот взгляд сильно противодействовал внушениям со стороны Англии и Франции, а тут еще явились новые союзники.

В апреле 1714 года, когда князь Куракин приехал в Ганновер, здешний министр Бернсторф объявил ему следующее: «Курфюрсту давно уже известны намерения царского величества отнять у Швеции ее германские владения. Курфюрст очень к этому склонен; но так как дело не может быть окончено без согласия короля прусского, то берлинскому двору недавним временем внушено, что Пруссия сколько ни трудилась чрез Англию и Францию удержать за собою Штетин с округом, однако до сего времени получить желаемого не могла, много было дано ей обещаний, и ни одно не исполнено, и потому курфюрст советует прусскому королю войти в соглашение с северными союзниками и с Ганновером и склонить венский двор к тому, чтоб отнять у шведов все владения, находящиеся в империи, и поделить их между владельцами германскими. Прусский двор объявил свое согласие на это предложение, и в Ганновере составили следующий план дележа: король прусский возьмет Штетин с округом, курфюрст ганноверский – Бремен и Верден, король датский – Шлезвиг, а герцогу голштинскому за потерю Шлезвига дать земли, которые бы приносили до 100000 дохода. Если союз состоится, то короли прусский и датский станут

добывать Штральзунд, а курфюрст ганноверский – Висмар; укрепления Висмара должны быть разорены, и самый город отдан герцогу мекленбургскому. В России это предложение чрезвычайно понравилось: Головкин писал к русским министрам за границу, чтоб везде помогали приведению его в исполнение. Русский посланник в Ганновере Шлейниц даже давал знать, что и в случае упорства датчан ганноверский двор согласен действовать вместе с Россией и Пруссией».

В конце июля Куракин, находясь в Гаге, получил новое неожиданное предложение: французский посол при Голландских Штатах маркиз Шатонёф приехал к нему и объявил, что король его и другие державы много трудились для потушения Северной войны, но понапрасну вследствие препятствий с обеих враждующих сторон, особенно же со стороны шведского короля. Но теперь Карл XII решился заключить отдельный мир с Россией и обратился к французскому королю с просьбою помирить его с царем. Куракин, поблагодарив посла за доброе намерение, обещал донести своему двору о его предложении, заметил только, что если короли датский и польский будут исключены из мирных переговоров, то война не кончится и желание Людовика XIV успокоить всю Европу не исполнится. Шатонёф отвечал, что король шведский старается прежде всего помириться с царем, который в состоянии сделать ему и зло, и добро, а с другими королями легко можно найти средства помириться. По указу от своего двора Куракин отвечал Шатонёфу, что цар-

скому величеству небезопасно принять предложение Людовика XIV, потому что министры его христианнейшего величества при Порте и во время переговоров с цесарем, и, наконец, при прусском дворе действовали постоянно в пользу Швеции. Царское величество никогда не отказывался от доброго и прибыточного мира с короною шведскою, только мир этот должен быть заключен сообща с союзниками. Для покинутия своих союзников и заключения отдельного мира причины важной нет; если же французскому двору известно, что союзники царского величества искали или ищут отдельного мира, то пусть посол объявит об этом, и тогда царское величество, смотря по обстоятельствам, может свое намерение объявить. Шатонёф сказал на это, что обо всем донесет своему двору; что же касается до действий французских министров в пользу Швеции, то, по всем вероятностям, они поступали без указа.

Смерть английской королевы Анны и вступление на английский престол ганноверского курфюрста Георга имели важное влияние на ход описываемых событий. Связь Англии с Франциею порвалась, и ганноверский план действия против шведов получил особенное значение вследствие нового положения, приобретенного ганноверским курфюрстом.

Для улажения дела по ганноверскому предложению отправился в Лондон князь Борис Иванович Куракин, хотя здесь был резидент барон Шак, сменивший фон дер Лита. По словам голландского резидента при петербургском дво-

ре Деби, Шак был отстранен по причине ревности и ненависти русских к иностранцам; по той же причине и барон Левенвольд не был отправлен послом в Вену. Но иначе объясняет дело князь Куракин, который по приезде в Лондон писал Головкину: «Как господин Шлейниц (русский посланник в Ганновере), так и барон Шак ищут, чтоб быть при английском дворе, и потому каждый из них присылает доношения в самом обнадеживательном тоне, пишут то, чего я ни от кого не слышу; если их доношения окажутся верными, то прошу, чтоб они те дела и оканчивали; а если мне делать, то чтоб другие не вмешивались». В декабре Куракин писал: «Говорил мне барон Шак, что желает скоро уехать отсюда в Голштинию для своих частных дел, и требовал на то от меня согласия; я согласия не дал, а отдал на его волю, потому что незадолго перед тем уведомился я об его тайных происках при здешнем дворе, ищет он каким бы то ни было образом вмешаться в известные переговоры с датским двором и через это остаться здесь на своем прежнем poste; третьего дня ганноверский министр Роптам приезжал ко мне и говорил, что барон Шак переписывается с первым датским министром Выбеем и надеется через его посредство склонить датского короля к уступке Бремена королю английскому; для этого-то Шак теперь и едет в Данию. Я отвечал, что барон Шак вступает в дело как частное лицо, а не как министр царского величества и в том его воля; но так как он еще не взял увольнения от службы, то следовало бы ему обо

всем сноситься со мною; а при датском дворе находится посол князь Долгорукий, который пользуется большим уважением не только со стороны министров, но и самого короля, и я надеюсь, что он в состоянии уладить дело так же хорошо, как и барон Шак. Я не сомневаюсь, что лондонский двор будет предлагать царскому величеству оставить Шака здесь; но; я по своей должности доношу, что здесь лучше быть министру из русских и потому, что теперь к интересам царского величества присоединились дела имперские, причем иностранцы имеют собственные свои интересы; и потому, что здесь англичанам министр из русских приятнее, чем из немцев; наконец, важных дел здесь никогда не будет, если что и случится, то по-прежнему будет трактовано или в Гаге, или в Брауншвейге». Несмотря на эти представления, Шак возвратился из Копенгагена в Лондон с прежним значением и оставался здесь до половины 1716 года, когда был сменен Федором Веселовским.

Переговоры о приведении в действие ганноверского плана затянулись по упорству Дании, которая хотела все вознаграждение герцогу голштинскому сложить на счет Ганновера, также не соглашалась отдать Бремена и Вердена Ганноверу до общего мира; датчане боялись, что курфюрст ганноверский, выманив у них себе Бремен и Верден, войдет в соглашение с Швециею, чтоб та уступила ему эти города.

Таким образом, 1714 год прошел без военных действий со стороны Дании; о Саксонии и слуху не было: между прави-

тельствами саксонским и датским господствовало сильнейшее несогласие, оба упрекали друг друга в поступках, противных дружбе и союзу; об отношениях Саксонии и Польши к России мы уже знаем. Петр должен был один вести войну, театром которой была по-прежнему Финляндия. В феврале 1714 года князь Мих. Мих. Голицын поразил генерала Армфельда у Вазы; Выборгский губернатор полковник Шувалов покончил покорение Финляндии взятием крепости Нейшлота. Но самую большую радость доставила Петру победа, которую он сам одержал над шведским флотом при мысе Гангуте (Ганго-Удд), между Гельсингфорсом и Або, 25 июля; неприятельский контр-адмирал Эреншельд с фрегатом и десятью галерами попался в плен. Петр овладел островом Аландом, что навело ужас на Швецию, ибо Аланд находился только в 15 милях от Стокгольма. Царь с небывалым торжеством возвратился в парадиз и был в Сенате провозглашен вице-адмиралом. Не так счастлив был генерал-адмирал Апраксин, который с галерным флотом много потерпел осенью от бури; он сам рассказывал голландскому резиденту Деби, что более четырех недель испытывал постоянные бури и страдал от недостатка в съестных припасах, так что у него самого не было хлеба на столе, перед его глазами погибло много судов с людьми. «По крайней мере меня утешает то, – говорил Апраксин, – что эти бедствия ниспосланы были мне богом, а не потерпел я их от неприятелей царского величества». Всего потонуло 16 галер, а людей погибло около 300

человек.

Царь должен был торопиться решительными действиями, приобретением как можно более выгод пред неприятелем, ибо давно уже начали ходить слухи о возвращении Карла XII из Турции. Слухи оправдались в ноябре 1714 года: Карл неожиданно явился в Штральзунде. Немедленно отправился туда голштинский администратор Христиан Август и представил Карлу своего знаменитого министра Гёрца. После долгого разговора Гёрц вышел из королевского кабинета министром и любимцем Карла XII. Для Гёрца, на которого дурно смотрели при всех дворах, единственным средством спасения оставалось овладеть доверенностью Карла; сделать это было нетрудно, ибо Карл возвратился с неодолимым желанием поднять свое падшее значение, а средств для этого при совершенном истощении Швеции не было; у Гёрца достало смелости и таланта представить ему, что средства есть, что можно повернуть политические отношения Европы в благоприятную для Швеции сторону, и Карл предался чародею. Но в то время, когда северным союзникам начало грозить не оружие Карла XII, а интрига Гёрца, что они делали для того, чтобы противодействовать ей большим скреплением своего союза?

Начало 1715 года застало союзников все еще в переговорах об «английском деле», т. е. о союзе с курфюрстом ганноверским, теперь королем английским Георгом I. Долгорукий в конференциях с датскими министрами истощал все сред-

ства увещания, чтоб склонить их к соглашению с королями английским и прусским, представлял всю пользу от союза, все опасности в случае, если он будет отвергнут. «С одними своими датскими войсками, – говорил Долгорукий, – вы не отвортите шведов от нападения на голштинские рубежи, особенно если у Карла XII будут союзники и если он высадит из Шонии войска в Зеландию. Если вы не примете предложения короля английского, то Карл XII уступит ему Бремен, прусскому королю отдаст Штетин и тем привлечет их на свою сторону против Северного союза». Министры отвечали, что король и они видят очень хорошо пользу от соглашения с английским королем; но дело в том, что эту пользу надобно купить убытком, падающим на одного короля датского, который должен отдать все свои завоевания, а награда за это в неверном будущем. Чтоб сделать министров склоннее к англо-прусскому союзу, Долгорукий обещал им деньги. Надобно было спешить делом, потому что Франция предложила свое посредничество для соглашения Пруссии и Швеции и Пруссия соглашалась принять это посредничество. Головкин в Берлине спрашивал Ильгена, для чего они так торопятся принятием французского посредничества, никакой крайности в том нет, лучше пообождать, пока окончатся переговоры об английском союзе, а между тем можно хорошенько рассмотреть дело, нет ли каких хитростей со стороны французского двора. Ильген отвечал, что, принявши посредничество, они будут медлить переговорами до оконча-

ния «английского» дела, и если это дело состоится, то они непременно объявят войну Швеции; если же не состоится, то они поневоле должны будут принять посредничество, ибо не могут стоять против такого сильного государя, как король французский. Французское посредничество, впрочем, не было принято Пруссиею, потому что император выразил берлинскому двору свое неудовольствие по этому случаю. Уговаривая Данию к новому союзу, русский двор старался и об утверждении старого между Даниею и Саксониею; посланник короля Августа также хлопотал об этом в Копенгагене, — но король Фридрих (смотрел на это старание как на новое коварство со стороны саксонского двора, притом в Дании ни во что ставили саксонские войска и думали, что между королями польским и шведским заключен был тайный мир. В феврале 1715 года «английское дело» было наконец решено в Дании, которая согласилась уступить королю Георгу Бремен и Верден. Но в марте датские министры забили тревогу, объявили Долгорукому, что король прусский не хочет вступить в союз, не хочет из-за Штетина воевать со шведами, что в таком случае Дания и Ганновер, если бы даже и вошли друг с другом в соглашение, одни не могут ничего сделать против шведов и потому скорая и деятельная помощь царя необходима для охранения датских границ; видя движение русских войск, и король прусский скорее склонится к союзу; то же самое повторил посланнику и сам король. Долгорукий, видя всеобщий страх, старался успокоить ко-

роля, представлял, что тут одно из двух: или прусский двор нарочно отговаривается от союза, желая вынудить себе еще что-нибудь, и потому надобно посмотреть, может быть, требование такое, что ему и удовлетворить можно; или король прусский через посредство Франции прекратит все несогласия с Швециею; но даже и в этом случае опасность еще не очень велика, ибо нельзя предполагать, чтоб Пруссия решилась заключить наступательный союз с Швециею, а при нейтралитете Пруссии, Дании с Ганновером легко можно принудить Швецию к миру. Король соглашался с этим, но твердил прежде, что русская помощь необходима, и датские министры приступали к Долгорукому с требованием, чтоб русские войска поскорее входили в Померанию для действия в одно время и против Висмара, и против Штральзунда. Но у Долгорукого было свое предложение о необходимости соединить датский флот с русским, чтоб окончательно очистить Балтийское море от шведских кораблей, дать полную безопасность торговым судам, обезопасить Померанию и самые датские владения от высадки шведских войск. Министры отвечали, что соединение датского и русского флотов возможно только тогда, когда английский флот явится в Балтийское море и запрет шведский флот в Карлскроне. После этих разговоров приехал к Долгорукому от короля полковник Мейер и стал говорить как будто от себя, что царское величество обещал королю некоторую сумму денег, так нельзя ли написать, чтоб деньги были выданы: королю в них край-

няя нужда, нечем будет содержать русских войск, которые придут в Померанию. «Мне нельзя об этом писать, – отвечал Долгорукий, – я знаю, что царскому величеству нужны деньги вследствие таких огромных убытков от войны; могу написать только в таком случае, если король согласится на соединение своего флота с русским». Долгорукий не говорил никому, что ему велено обещать деньги и домогаться о соединении флотов, чтоб «датчан тем не вздоржить». Датчане твердили прежде, что до прибытия английского флота нельзя думать о соединении русского и датского флотов. Но Долгорукий, ясно понимая дело, не возлагал больших надежд на английский флот; он писал царю: «Хотя король английский и объявил войну, но только как курфюрст ганноверский, и флот английский идет для охранения своих купцов; если шведский флот пойдет против флота вашего величества, то нельзя думать, чтоб англичане вступили в бой со шведами, потому что Англия против Швеции войны не объявила. И то еще неизвестно, захочет ли английский народ, чтоб флот его каким бы то ни было способом участвовал во враждебных действиях против шведов, и не противно ли английскому народу видеть Швецию в крайнем разорении? Недавно англичане действовали усердно в пользу Швеции; положим, что новый король может отчасти удержать от этого свой народ, но заставить его явно действовать против Швеции – это королю английскому будет трудно, особенно когда он получил корону еще недавно и внутри государства силь-

ное несогласие. Из этого заключаю, что флот английский в явные действия против Швеции не вступит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.